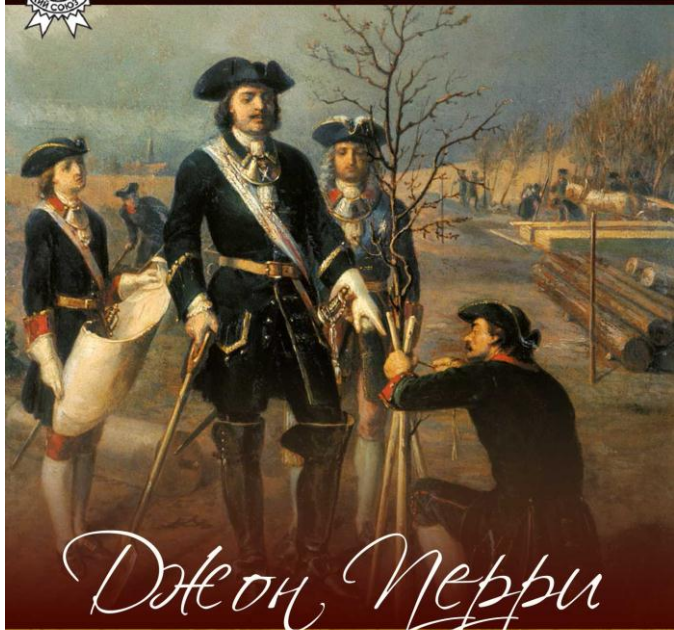

Памятники исторической литературы

Джон Черри

СОСТОЯНИЕ РОССИИ
ПРИ НЫНЕШНЕМ
ЦАРЕ

Аннотация

«Памятники исторической литературы» — новая серия электронных книг Мультимедийного Издательства Стрельбицкого.

В эту серию вошли произведения самых различных жанров: исторические романы и повести, научные труды по истории, научно-популярные очерки и эссе, летописи, биографии, мемуары, и даже сочинения русских царей. Объединяет их то, что практически каждая книга стала вехой, событием или неотъемлемой частью самой истории.

Это серия для тех, кто склонен не переписывать историю, а осмысливать ее, пользуясь первоисточниками без купюр и трактовок.

Джон Перри (1670–1732) — английский морской офицер и инженер-гидротехник. Вызванный Петром I в Россию в 1698 г., он оставил ее в 1715 г. вследствие неприятностей по службе в адмиралтействе и напечатал в следующем году сочинение о России «Состояние России при нынешнем царе», в котором довольно заметно оскорбленное самолюбие.

Сочинение о приключениях на русской службе, состоящее из двух записок, написано на основе дневника, который Д.Перри вел в течение четырнадцати лет пребывания (с июня 1698 по июнь 1712 г.) в разных частях необъятной северовосточной империи Петра I.

Джон Перри

Состояние России при нынешнем царе

В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовлений к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края.

Преимущественно же (описание) тех работ, которые были производимы сочинителем книги этой, и тех причин, по которым он оставил царскую службу после 14-ти летнего пребывания в этом крае.

А также и описание татар и других народов, населяющих восточные и крайне северные части царских владений, их религии и образа жизни; вместе со многими другими наблюдениями. С приложением карты царских владений более подробной, чем все донныне существующие.

Составлено капитаном Джоном Перри.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

**«Памятники исторической литературы» —
новая серия электронных книг
Мультимедийного Издательства Стрельбицкого.**

В эту серию вошли произведения самых

различных жанров: исторические романы и повести, научные труды по истории, научно-популярные очерки и эссе, летописи, биографии, мемуары, и даже сочинения русских царей.

Объединяет их то, что практически каждая книга стала вехой, событием или неотъемлемой частью самой истории.

Это серия для тех, кто склонен не переписывать историю, а осмысливать ее, пользуясь первоисточниками без купюр и трактовок.

Пробудить живой интерес к истории, научить соотносить события прошлого и настоящего, открыть забытые имена, расширить исторический кругозор у читателей — вот миссия, которую несет читателям книжная серия «Памятники исторической литературы».

Читатели «Памятников исторической литературы» смогут прочесть произведения таких выдающихся российских и зарубежных историков и литераторов, как К. Биркин, К. Валишевский, Н. Гейнце, Н. Карамзин, Карл фон Клаузевиц, В. Ключевский, Д. Мережковский, Г. Сенкевич, С. Соловьев, Ф. Шиллер и др.

Книги этой серии будут полезны и интересны не только историкам, но и тем, кто любит читать исторические произведения, желает заполнить

пробелы в знаниях или только собирается углубиться в изучение истории.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое на страницах нашего издания сочинение о России, преимущественно за время царствования Петра Великого, принадлежит весьма известному в свое время строителю кораблей, доков и каналов, Английскому Капитану Перри. Приглашенный в Русскую службу самим Царем Петром в 1698 году Перри пробыл в ней до 1715 г. когда, после некоторых неприятностей по службе, о которых, между прочим, подробно рассказывает в своем сочинении, уехал в Лондон и там, в 1716-м году, издал книгу, полный перевод которой впервые теперь является на Русском языке.

Сочинение Перри не смотря на некоторые зачастую мелочные подробности, имеющие чисто личное свойство, имеет, однако, значительную занимательность, в особенности для истории нашего флота в первый период его существования. Почтенный историк нашего флота, покойный Елагин, делает множество ссылок на сочинение Перри. В книге Перри читатель найдет весьма много занимательнейших подробностей об устройстве наших первых верфей в Воронеже и Петербурге, о постройке судов, прорытии каналов,

о строительных планах и проектах Петра Великого, и проч. и проч. До сих пор сочинение это было известно в Русской Словесности по отрывкам и извлечениям из него, разбросанным в наших журналах за время с 1840 по 1860 год, да по ссылкам на него в историях и статьях о царствовании Петра Великого.

Полный и возможно обстоятельный перевод Перри предлагаемый нами на Русском языке, сделан Княжной Ольгой Михайловной Дондуковой-Корсаковой. Примечания не отмеченные ничем, принадлежат самому сочинителю, а отмеченные буквами О. Б. — Секретарю Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете.

Михаил Семевский, С.-Петербург. 1869 год.

Текст воспроизведен по изданию: Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовления к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. №. I. М. 1871

ПРЕДИСЛОВИЕ СОЧИНТЕЛЯ

Так как со времени посещения Англии Царем Русским не было напечатано еще ни одного описания России, то я рассудил, что публика примет охотно следующее повествование, составленное мною о стране, где я провел много лет, занимаясь работами, давшими мне случай наблюдать положение и состояние ее, равно как и некоторые преобразования, сделанные Царем в среде своего народа по возвращении его из путешествия, вследствие каковых преобразований он приобрел всеобщее одобрение и стал страшен для своих соседей. Сначала я предложил о том, как был принят в Царскую службу, занимаясь работами для водного сообщения между Черным и Каспийским морями, и за тем, как отправлен был для других работ в Воронеж, где исправлял флот в виду войны с Турками: возвышая искусственным образом уровень воды, чтоб, без помощи прилива, поднимать суда и ставить их на суше, подобно тому, как это делается в наших Английских доках, с тою только разницею, что в Англии, при искусственном возвышении уровня воды, ставят один только шлюз, не входя в излишние расходы для устройства доков, вследствие чего в них можно впускать не более одного или двух кораблей

одновременно, тогда как в первый же раз, когда, посредством устроенного мною способа, возвысился уровень воды, я одновременно поднял и поставил на сушу 15 кораблей. На это обстоятельство я особенно назираю, так как, сколько мне известно, это нигде еще не было приведено в исполнение. Я упоминаю здесь также о другой работе, которой занимался на реке Воронеже, устраивая там судоходство для восьмидесяти пушечных кораблей, построенных Царем, в виду основания флота для войны с Турками.

Далее, я упоминаю также о намерении Царя устроить в этом месте сухую гавань, в которой в мирное время суда предохранялись бы от порчи. Говорю также об участии моем в этом деле и о возложенном на меня поручении осмотреть и исследовать реки Петербургской области, для устройства водного сообщения оттуда к великой реке Волге, чтоб этим путем привести в исполнение намерение Царя — сделать Петербург столицей Государства и направить туда всю торговлю.

Все это я сначала изложил без всякого намерения распространяться далее, как читателю легко будет заметить; но затем, склоняясь на убеждения друзей, я продолжал писать более подробное повествование о Царских владениях, о предположении его проложить путь от

северо-восточной части своих владений к Татарскому морю, об образе жизни Северных обитателей, о покорении Сибири, о сухопутном сообщении и торговых сношениях, ныне существующих с Китаем, посредством этой страны; описываю некоторые Татарские Орды, населяющие восточные страны Царских владений, так как, занимаясь в этом крае, я имел случай изучить некоторые подробности их образа жизни.

Я записал наблюдения свои над количеством воды, впадающей в Каспийское море посредством Волги и других рек, и излагаю мои мысли на счет мнения некоторых лиц, утверждающих, что в Каспийском море существует подземный сток для воды. Основываясь на опытах ученого Профессора Галя (Halley) касательно испарения воды, я стараюсь доказать, что никакого такого подземного прохода не существует. Потом я привожу несколько объяснений, чтоб доказать, по какой причине роса поднимается с поверхности земли, и затем ниспадает на нее дождем; объяснения эти, основанные на наблюдениях, сделанных мною в России, подвергаю я мнению людей более сведущих и ученых.

Продолжая повествование мое, я считал не лишним изложить обстоятельства, подавшие Царю первую мысль о построении кораблей, причины, побудившие его путешествовать по Европе,

подробности о нескольких мятежах, новые правительственные постановления Царя по возвращении во владения свои, преобразования, внесенные в народные обычаи и привычки, способ распространения в народе образования и наук, о характере народном, о промышленности и торговле в России, и о многих других замечательных предметах относительно усовершенствования подданных его в военном искусстве. Я смею надеяться, что безыскусственный способ изложения и неправильный язык этой книги искупится искренностью и правдой, которой я всегда старался придерживаться в моем повествовании.

Джон Перри
ПОВЕСТВОВАНИЕ О РОССИИ,
В ОСОБЕННОСТИ КАСАТЕЛЬНО
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДЕЛ НЫНЕШНЕГО
ЦАРЯ

В 1698 году, когда Его Царское Величество посетил Англию, с целью изучить наше искусство в построении и вооружении флота, я, в числе других мастеров и прочих лиц, с которыми Царь благоволил беседовать, был представлен ему Лордом, после Маркизом, Кармартеном (by the then Lord Marquiss of Carmarthen), Мистером Доммером (Mr. Dummer) (тогдашним Интендантом Флота), и некоторыми другими лицами, как человек способный быть ему полезным в некоторых случаях, относящихся до его новых предприятий: основания Флота, способствования к судоходству рек и проч. После того, как Его Величество сам переговорил со мною, преимущественно об устройстве сообщения между реками Волгою и Доном, я был принят в службу его через Посланника, Графа Головина (*Граф Федор Алексеевич, Стольник, Окольничий и Посол для заключения договора с Китаем в 1685 г., Боярин и Наместник Сибирский, Генерал-Кригс-Комиссар, второй Посол (1-й Лефорт) во время путешествия*

Петра в чужие края в начале 1697 г.; в Марте 1698 он был вызван Царем из Амстердама в Англию, в городок Дентфорд (на правом берегу Темзы, в 3 верстах от Лондона, рядом с Гринвичем), для заключения договора о продаже табака (16 Апр., 1648) в России Лордом Кармартемом (до того времени запрещенного под смертною казнью у нас), который предложил Царю внести вперед 20 т. фун. стерлингов (48 т. рубл.) и обязался на выручаемые деньги покупать Русские товары. При этом и Перри был принят в службу нашу. После Головин получил первый орден Св. Андрея Первозванного (8 Марта, 1699 г.), возведен в достоинство Генерал-Адмирала, Президента Посольских Дел (Канцлера) и Начальника нескольких Приказов; далее сделан Генерал-Фельдмаршалом (1700 г.), Графом Римской Империи (1702 г.), заключил, договоры со многими иностранными Государствами и скончался, на пути в Киев, в Глухове, 2 Авг., 1706 г. Он первый из Бояр обрил бороду, сохранив, однако, усы, завел издание газет и календарей, покровительствовал иностранцам в Русской службе, и считался очень образованным по тому времени. О. Б.) , который условился со мною на счет жалованья: а именно: мне определено 300 фунтов стерлингов в год и, кроме того, Правительство Русское берет на себя уплату моих

путевых расходов и выдает деньги на содержание мое во время каждого служебного поручения, которое будет дано мне; затем, после окончания каждого дела, мне назначается известное вознаграждение, способное удовлетворить меня.

Вскоре после заключения со мною договора, Царь, который отправлялся из Англии в Голландию, взял меня с собой, и когда я там изучил все то, что имел случай видеть, я был отправлен прямо в Москву с приказанием ехать оттуда немедленно в Астраханскую Губернию, около тысячи верст (т. е., Русских миль) за Москвою, чтоб надсматривать за работой, которая производилась под ведением другого лица, назначенного Его Царским Величеством для открытия сообщения для военных кораблей, а также и судов с тяжестями от Каспийского моря до Черного по означенным двум великим рекам, Волги и Дону. Первая из этих рек, протекиши около трех, или четырех, тысяч Русских миль (*Верста или Русская миля содержит в себе 3504 Английских футов, что составляет почти 2/3 Английской мили.*) , по Царским владениям, впадает в Каспийское море; другая же река, протекая в половину меньшее расстояние, впадает, через Азовское болото (Palus Meotis) в Черное море.

Сообщение между двумя названными большими реками, на пространстве около 140 Русских миль, возможно посредством двух

меньших рек, из коих одна называется Илавла (Lavla) и впадает в Дон, а другая Камышинка (Camishinka) впадает в Волгу; на этих малых реках предполагалось устроить шлюзы, чтоб сделать эти речки судоходными, а также предполагалось, на протяжении около 4-х Русских миль, по твердой земле прокопать канал в том месте, где эти две реки протекают на более близком расстоянии одна от другой. Такая работа, если б она пришла к окончанию, была бы весьма выгодною для владений Царя, особенно в случае войны с Турками, Крымскими Татарами, Персией, или с одной из стран, прибрежных к Каспийскому морю.

Чертеж предполагаемого сообщения находится на прилагаемой здесь карте этой страны. Работа эта, как уже сказано выше, была начата неким Немцем, Полковником Брекелем (Breckell); он был Полковником в Царской армии и считался очень хорошим инженером по части укреплений; но мало смысла дело, которое взял на себя, так неосновательно начертил план канала, что первый устроенный шлюз сорвало, т. е., он подался в основании и под запертыми воротами вода свободно протекла. Вследствие этого, с наступлением зимы, приехав в Москву, Брекель выхлопотал паспорт для одного из слуг своих, под предлогом отправки его за границу для необходимых покупок по части работ, да и сам с

этим паспортом бежал из страны. Царь был об этом уведомлен вовремя пребывания своего в Англии, и потому соблагволили, немедленно отправить меня, чтоб исследовать, насколько эта работа возможна, что и было исполнено мною в течение того же года. По возвращению Царя из-за границы в Москву, я представил ему чертеж и донесение, в котором излагал причины, вследствие коих работа Брекеля была неправильно задумана, и тем дал Царю о ней настоящее понятие. Его Величество благоволил приказать мне взять на себя исполнение этой работы и начать копать канал на новом месте, избранном мною как более удобном; так как тут при меньшем труде, легче было устроить шлюзы. Этою работою я занимался три года сряду, в течение летних месяцев, и потребовал 30,000 человек работников, но никогда не мог получить и половины этого числа, а в последний год не было прислано в мое распоряжение даже и 10,000 человек, не говоря о том, что всегда чувствовался недостаток в хороших мастерах и необходимом количестве материала. Касательно этого последнего обстоятельства, я каждую зиму, во время поездок моих в Москву, собственноручно подавал Царю список требуемого материала, особенно для постройки шлюзов; но в это время Царь потерпел поражение под Нарвой, и война со Шведами грозила надолго затянуться. Все это требовало и

людей и денег. В конце 1701 года я получил приказание прекратить на время работу и оставить на месте одного из моих помощников, поручив ему наблюдать за тем, чтобы время и случайности не разрушили уже сделанного (некоторые шлюзы были почти окончены и канал в половину прокопан), а самому, с прочими моими помощниками, явиться в Москву. Оттуда я был отправлен для новых работ в Воронеж (Veronize), а Князь Алексеевич Голицын (Kneas Alexueavich Gollitzen (*Борис Алексеевич, Судья Приказа Казанского с 1683 по 1713, умерший 18-го Октября, 1713 года, и бывший дядькой Петра I-го. О. Б.*)) ; который был Губернатором в Царстве Астраханском, где производились выше сказанные работы, лишился своего места за то, что задерживал работу, не отпуская мне необходимого числа людей и требуемого мною материала. За это Князь, подпавший под немилость Царя, сделался моим непримиримым врагом и, пользуясь связями своими (он был в родстве с самыми знатными фамилиями), влиял на вельможу, под ведением которого я продолжал мое служение, занимаясь новой работой, и внушил ему против меня предубеждение, которое все старые Бояре питали к новым предприятиям, начатым Царем по совету иностранцев. Было еще одно обстоятельство, вследствие которого Лорд (так!) Голицын был

особенно недоволен вышеупомянутой работой. Брекель, до того не искусно построивший свой первый шлюз, что он, при первом же опыте, был прорван напором воды, убоился последствий, которым мог подвергнуться в самовластном Государстве, и бежал за границу, откуда написал к Царю письмо с жалобой на Голицына и на то, что он отказывал ему во всем, необходимом для производства работ, особенно напирал на дурное обращение с ним Князя, который, по нерасположению к его предприятию, его самого невзлюбил: так он однажды ударил Брекеля тростью и стращал, что велит его повесить.

Это случилось во время путешествия Царя за границу, и по возвращении своем он упрекал за это Князя, как не оправдавшего его доверия; Князь с этой минуты стал непримиримым противником водного сообщения и утверждал, что это дело не может быть совершено руками человека. Независимо от этого, Князь представлял, что ведение этого канала было бы весьма тягостно для Государства, вследствие огромного числа людей, которое требовалось для исполнения работ, и затем употребил все свои усилия, чтоб предприятие было остановлено, как неудобноисполнимое. Он утверждал, что, по его убеждению, если Бог, создавая реки, дал им известное течение, то со стороны человека было бы неразумным

высокомерием стараться направить их в другую сторону.

Как только я был вызван в Москву, я стал ходатайствовать о должном мне жалованье, которое я надеялся получить и из которого еще ни копейки не было мне выплачено: до сих пор я получал только деньги на пропитание мое, по 25 рублей в месяц (*Рубль состоит из 100 Русских копеек; каждая копейка в то время стоила полный Английский пенни; но с тех пор, как Царь приказал чеканить новую монету, она стоит немного более, чем половина прежней ценности.*) ; сумму эту Царь укрепил за мною, как только я приехал в эту страну, и приказал выдавать мне от жалованья 300 фунтов стерлингов в год, о получении которых я тогда ходатайствовал.

В то время Лорд Апраксин (*Федор Матвеевич* (р. 1661, Ноябрь 27), на сестре коего, Марфе (ум. 1715 г.), женился Царь Федор Алексеевич, был при Федоре Алексеевиче Стольником, а при Петре I Воеводой Архангельским (1693 г.), Губернатором Азовским (1697 г.), Адмиралтейцем (1700 г.), и отправлен для починки кораблей и надзора за стройкой их в Воронеж, где завел Училище; в Феврале 1707 г. Адмирал и Президент Адмиралтейства, а в Марте Генерал-Адмирал, 1709 г. Д. Т. Сов. и Граф; 1710 получил орден Андрея Первозванного и золотую шпагу с алмазами

за взятие Выборга (12 Июня), 1713-14 с Князем М. М. Голицыным завоевал Финляндию, 1721 г. Генерал-Губернатор Эстляндский; умер в Москве 1728 г., Ноября 10, и погребен в Златоустовском монастыре. Он оставил замечательную Духовную (напечатанную в «Чтениях в Императ. Обществе Истории и Древностей Российских», 1866, кн. 4, Отд. V, стр. 58 и след.). Апраксин не терпел нововведений Петра 1-го, и потому ненавидел иностранцев. Этим объясняется и его обхождение с Перри. О. Б.) , ныне находящийся в звании Генерал-Адмирала (которого не задолго перед тем Царь посылал осматривать выше означенную работу водного сообщения, так как ему в то время был поручен главный надзор над вооружением Царского флота), благоволил беседовать со мною насчет Царских кораблей в Воронеже (Воронеж, город, построенный на реке того же имени, впадающей в Дон.), которые, быв построены из сырого леса, весьма скоро подвергались гниению, не выдерживали кренения и спущенные на воду легко шли ко дну. Я сказал Его Вельможности, что, по моему мнению, есть способ, который мог бы быть применен на этой реке, или где-нибудь поблизости, для того, чтобы исправлять корабли без кренения: их можно бы было чинить на суше посредством запруды, сделанной на реке, для чего следовало бы устроить большой шлюз с

подвижными воротами, поднимающимися вверх, чтобы пропускать течение воды, и другой отдельный шлюз с двумя большими воротами, чтоб пропускать корабли. Посредством этих ворот, которые запирались и отворялись бы, смотря по надобности, уровень воды приподнятый таким образом, мог бы во всякое время поднять и поставить на сушу даже самые большие корабли Его Величества, и потом опять спустить их на воду. Лорд Апраксин сказал мне, что применение к делу такого предположения оказало бы великую услугу Его Величеству; уверял меня, что я не подвергнусь тем задержкам, которые терпел при Князе Голицыне, и получу все необходимые пособия в людях и материале; Апраксин обещал мне, что не только будет точно выплачивать следующее мне жалованье, покуда я буду находиться под его начальством, но обещал сделаться моим покровителем и помочь мне выхлопотать все недоплаченные деньги (о получении которых я напрасно ходатайствовал), как только я окончу эту работу, столь полезную для Царя, в виду устройства флота, предназначавшегося для войны с Турками.

И так в 1702 г. я был послан в Воронеж и водворен на новом месте жительства, около устья реки, которую я нашел чрезвычайно удобною для поднятия воды на известную высоту, и затем, посредством блоков иметь возможность поставить

корабли на сушу выше обыкновенного уровня реки, что я и привел в исполнение в течение следующих шестнадцати месяцев. В первый раз, когда шлюз был заперт, я поднял 15 судов (некоторые из них были 50-ти пушечные), и расположил их на блоках для починки, как то делается на наших верфях в Англии, где, как только замечают, что корабль потерпел повреждение, его тотчас же разснасчивают, и таким способом приводят в надлежащий порядок; у некоторых судов переменяют тимберсы, у других корму, или старн-носты.

Хотя работа моя была исполнена довольно удовлетворительно, но как только я стал просить, чтоб мне уплатили за прошедшее и за текущее время жалованье, которое я надеялся получить, согласно данному мне обещанию, то опять ничего не получил. Лорд Апраксин приказал мне на той же реке начать новую работу, и сказал, что по окончании ее мне, несомненно, выдадут все деньги сполна.

В то время, когда моя первая работа была окончена, сам Царь, приехав в Воронеж, сделал распоряжение касательно починки судов, которые уже лежали на суше; затем он благоволил сказать мне, чтоб я осмотрел реку и решил, может ли она, посредством устроенного на верховьях ее нового шлюза, сделаться судоходною во всем своем

протяжении от г. Воронежа до реки Дона, так, чтобы во всякое время года по ней могли плавать восьмидесяти пушечные корабли.

Когда я, ознакомившись с местностью, донес Его Величеству, что это удобоисполнимо, он благоволил приказать мне заняться этим делом, к началу которого я и приступил в 1704 году. В следующем году я успешно окончил работу, шлюзы были 43 футов ширины и на столько глубоки, чтоб возможно было посредством их поднять воду для прохода восьмидесяти пушечных кораблей. Кроме того устроены блин подъемные шлюзы, чтоб выпускать сильный наплыв воды, который в весеннее время в этой стране увеличивается таянием снегов и, напирая на шлюзы, вместе с огромными плавучими льдинами, весьма способен разорвать всякую плотину. Не смотря на это дамбы, устроенные мною, столь прочны и тверды, что не терпят никакого ущерба от весенних потоков, и не подвергнутся опасности быть разорванными ими, доколе существует мир. Многие лица, находящиеся ныне в Лондоне, видели эти постройки и могут подтвердить все вышесказанное. Когда и эта последняя моя работа в Воронеже пришла к успешному окончанию, я опять обратился к Лорду Апраксину за моим жалованьем, но имел случай убедиться, что он мало заботился о честном исполнении своего слова и обещаний. Дело мое

затянулось, как и прежде, и минута получения денег опять отсрочилась. Его Вельможность сказал мне, что деньги мои не убегут от меня, и что я в эту минуту не крайне в них нуждаюсь; и в то же время уверял меня, что я не могу окончательно свести мои счета помимо Графа Головина, который первый принял меня в Царскую службу. Как бы то ни было, но Его Вельможность, вероятно, чтоб поддержать меня в терпении, после исполнения мною каждой из выше означенных работ, делал мне небольшой подарок, ценности, примерно, в 250 фунтов стерлингов.

Построение шлюзов, предназначенных выдержать малый напор воды, и устройство судоходства для мелких судов по небольшим рекам, не представляет затруднения и везде удобоисполнимо; но я не думаю, чтоб где-либо до сих пор на какой-либо реке устроено было судоходство для судов такого большого размера; а почва, на которой мне пришлось ставить мой последний шлюз, была столь удобна, что когда я начал копать ниже уровня реки, то наткнулся на такую силу подземных источников, что никакие насосы не способны были выкачать воду и осушить грунт до глубины, которая требовалась для основания шлюза; я был вынужден прекратить работы недель на шесть, покуда не соорудил особый снаряд для выкачивания воды. Снаряд этот,

способный опоражнивать 10, или 12, тонн воды в минуту, действовал днем и ночью в течение нескольких месяцев. В то время, когда я работал этим способом, Царь опять прибыл в Воронеж, и, в сопровождении нескольких Лордов своих, не раз посещая работы, остался ими чрезвычайно доволен. Снаряд мой был, в усовершенствованном виде, тот самый, который я впервые построил в Портсмутских верфях, 23 года тому назад, когда, находясь Лейтенантом на Монтечу (Mountague), я на этом корабле пришел для починки его в порт.

Пока я занимался последней моей работой в Воронеже, я встретился там с одной личностью. Это был Поляк по происхождению, принявший Русскую Веру и занимавшийся прежде устройством корабельного дока в Царской искусственной пристани в Таганроге, на берегу Азовского моря (Пристань эта предназначалась для сохранения Царского флота. Но так как она была устроена около низкого мыса и вдавалась далеко в море, в таком месте, где вода не имела достаточной глубины, то, по мере того, как воздвигались работы, песок постоянно набегал на них и окончательно засыпал пристань прежде, чем она была в половину окончена; по заключении мира с Турцией пристань была совершенно уничтожена.). Вышеупомянутой личности приказано было устроить нового рода верфи на реке Воронеже для постройки

восьмидесяти пушечных кораблей, с приделанными к ним ящиками, для того, чтоб спускать их вниз по течению Дона через Азовское мелководье, которое находится в расстоянии около тысячи верст от устья реки Воронежа. Царь, во время пребывания своего в Воронеже, отдал приказание для постройки этих верфей; это было не задолго до окончания моих работ.

В течение этой зимы, вследствие приезда курьера из Польши, Его Величество внезапно туда отправился. В ночь перед своим отъездом он отдал письменное приказание Лорду Апраксину касательно того, чтоб я занялся особыми исследованиями над течением реки, и чтобы мнение мое, вместе с мнением трех корабельных мастеров (два из них были Англичане, Мистер Козенс и Мистер Ней [Mister Kozens and Mister Ney], а третий был Русский), взято было во внимание относительно места, где предполагалось устроить вышеозначенные верфи. Но место было отведено совершенно противно моему мнению и выбору, и работы решено было начать на песчаной почве и производить их способом вовсе не подходящим, Я тогда передал на словах Лорду Апраксину, какие могли произойти пагубные последствия от устройства верфи на такой почве, и таким образом сказал ему, что при половодье весною основание работ будет неминуемо снесено

и, может быть, самые корабли, находящиеся в верфях для починки, потерпят повреждение (что в последствие и случилось); но Его Вельможность, вероятно, предполагая, что я только желал отстоять свое собственное мнение, и не подозревая уменья и сведений того лица, которое взяло на себя построение этих верфей, положительно надеялся на успех, и также склонялся к уверениям Царского Русского корабельного мастера, о котором выше было упомянуто, а равно и другого лица, также Русского, лично в этом деле замешанного, так как он владел небольшой деревенькой, находящейся в той местности, где предполагалось устроить верфи, и должен был, в замен этой деревеньки, получить другую, гораздо лучшую. Убедившись, что на слова мои Лорд Апраксин не обращает никакой внимания, я, для собственного оправдания, письменно изложил мои возражения, и в поданной мною ему записке доказал, какая неминуемая опасность грозит работам, если они будут выполнены на том самом месте и тем способом, который имелся в виду. В то же время представил я Его Вельможности чертеж вместе с моим проектом; тут же приложил я математическую фигуру, из которой ясно видно было, что тяжесть воды, увеличенная возвышением уровня реки во время весеннего половодья (обстоятельство, которое необходимо было взять в соображение, будет

слишком сильно напирать на верфи, устроенные таким образом. Я сделал все это в доказательство тех причин, по которым, считал, что работы эти не могли быть успешны.

Но, не смотря на все мои представления, Его Вельможности угодно было допустить продолжение работ по прежнему начертанию. Место для постройки Царских кораблей, которое находилось первоначально около самого города Воронежа, перенесено было за 7 Русских миль вниз по течению реки; и по этому случаю также пришлось перенести туда дом, предназначенный для приезда Царя и некоторых из его Лордов (*дома эти, по Русскому обычаю, были деревянные и устроены таким образом, что могли по желанию быть перенесены с одного места на другое*) ; также перенесены были дома строительных мастеров, художников, и работников. Вокруг всех сих зданий с необычайной быстротой воздвигли укрепления с бастионами; но после трех летних неудачных попыток поддержать все это, с потерю нескольких сотен тысяч, пришлось отказаться от начатого дела, по той причине, что река постоянно подкапывалась под основание работ и заливала их водою. Вследствие всего этого положение Лорда Апраксина в отношении меня делалось крайне неловкими: он боялся, что рано, или поздно до сведения Царя дойдет, что он приказал продолжать

работать, вопреки всех причин и доводов, приведенных мною против этого предприятия. Около того же времени я предложил Его Вельможности средство для предохранения кораблей Его Величества в Воронеже от порчи и разрушения, которым они подвергались в мирное время. Царь был крайне недоволен тем, что он до сего времени не получил должного донесения.

Все эти обстоятельства, о которых было бы скучно и неуместно здесь распространяться, были причиной того, что с этой минуты отношения Его Вельможности ко мне стали весьма недоброжелательны и оскорбительны. Все подробности, касательно выше означенных доков со списком чертежа моего и доводов представил я, вместе с изложением последствий, неизбежных в этом предприятии, от которого, по моему мнению, рано, или поздно, неминуемо придется отказаться. Я показал записку мою чрезвычайному послу Ее Величества, Почтенному Мистеру Витворту (Whitworth), Английскому Консулу Мистеру Гудфело (Goodfellow) и некоторым другим Англичанам, с которыми виделся по приезде моем в Москву в 1706 году, т. е., около двух лет того времени, когда опыт ясно выказал ошибку; и от работы этой принуждены были отказаться, как от неудобоисполнимой, избрав другое место для построения меньших судов без доков, как то

делалось прежде.

Окончив мою последнюю работу в Воронеже, я оставался в Москве несколько месяцев без новых поручений; по истечении же этого времени Его Величество пожелал привести в исполнение предначертание мое, о котором упоминалось выше, для предохранения кораблей от порчи и разрушения в мирное время, т. е., о поставлении их под навес в особо к тому приноворожденных сухих пристанях, устроенных таким образом, что посредством шлюза уровень воды мог быть поднят на столько, на сколько необходимо было, чтобы провести корабли в такие сухие пристани, и затем, таким же способом выпуская воду, оставить суда на суше. Я предполагал устроить особые отделения, где бы корабли Его Величества размещались соответственно своим рангам, от 10 до 20 в каждом отделении, по усмотрению Его Величества, и оснащивались бы на блоках, как то делается у нас, в Англии; так что, когда от времени сухая обшивная доска начнет сседаться и дуб на сшивке ослабеет, то будет возможность проветривать их, пропуская везде к тимберсам посредством постоянно открытых люков и пушечных окон (ports).

Это предложение я основывал на том, что всякого рода тимберсы и тому подобные предметы, сделанные из дерева, когда они подвержены

влиянию ветра и непогоды, весьма скоро приходят в разрушение, особенно в кораблях, которые зимою находятся под постоянным дождем и туманом, а в летнее время, палимые зноем с одной стороны, а с другой находясь в воде, подвергаются и течи и сырости, которая, проникая чрез трюмы в пространство, находящееся между тимберсами и внешними и внутренними обшивными досками корабля, куда не может свободно проходить воздух, составляет неоспоримую причину гниения судов. С другой стороны я представил, что всякий предмет из лесного материала, не подверженный двум противоположным влияниям природы, но содержимый постоянно в суше, или в сырости, сохраняется в лучшем виде дольшее время, так что я имел полное основание предполагать, что если б только приноровить так, чтоб в мирное время корабли Его Величества находились совершенно на суше, то они могли бы быть в употреблении втрое, или четверо, долее, чем в настоящее время, не требуя столь частых починок.

Я также представил, что подобного рода сухая пристань, устроенная в надлежащем месте, имела бы двоякую выгоду и удобство, служа в мирное время для пересмотра кораблей Его Величества и сохранения их в исправности; пристань эта и в военное время была бы весьма полезна, представляя возможность, в случае надобности, вводить в нее

суда для исправления повреждений, оснащения и вооружения таким же способом, как было то устроено мною у устья Воронежа для 15 кораблей, т. е., поднимая уровень воды, смотря по надобности, с тою только разницею, что здесь не все корабли впускались бы одновременно. Для каждого ранга кораблей я предполагал устроить особый вход, чтоб можно было впускать и выпускать только то число судов, какое потребуется; эту сухую пристань я предполагал окопать рвом и окружить каменною стеной для предохранения ее от случайностей измены и огня. Сумма, которая потребовалась бы на устройство и поддержку подобной пристани, весьма незначительна в сравнении с издержками и трудом тратящимися ежегодно на постройку и починку кораблей Его величества.

Когда я в первый раз заговорил об этом с Лордом Апраксиными, то я сказал ему, что если только мне прикажут, я готов доказать на деле, как выгодна была бы подобного устройства пристань для сохранения кораблей Его Величества. Я просил его довести все это до сведения Царя, но он доложил об этом в превратном виде, уверяя, что я старался уговорить его к устройству вещи неудобноисполнимой. В последствии, однако, Царю сделано было более верное представление об этом деле в письменном докладе достойного (ныне

умершего) друга моего, Мистера Генри Стайлза (Henry Stiles). Царь вполне постиг мою мысль и одобрил ее; мне приказано было ожидать в Москве возвращения Его Величества, где я провел несколько месяцев без всякого занятия, а затем из Польши получил от Царя приказание отправиться к реке Дону, чтоб приискать там удобное место для работ.

Вследствие этого я осмотрел устья пяти небольших рек, впадающих в Дон и означенных в отданном мне предписании, а затем возвратился в Москву к Лорду Апраксину с отчетом о том, какую местность считаю я более удобною для производства работ, и с означением необходимого числа работников и материала. Отчет этот и список Его Вельможность взял с собою в Петербург (Petersburg), куда отправлялся для встречи Царя. Его Величество благоволил отдать приказание для срубки леса и приготовления его для работы, но работу приказал не начинать, покуда сам он не найдет удобного времени, чтоб лично осмотреть местность, избранную мною, и сделать некоторые распоряжения. Между тем Его Вельможность, возвратившись опять в Москву, уведомил меня, что он получил от Царя повеление уплатить мне задержанное мое жалованье, и уже отдал приказание своему помощнику представить счет, что мне приходилось. Таким образом, я с полной

уверенностью мог ожидать получения следуемых мне денег; но в первый же раз, когда мне пришлось после этого представиться Его Вельможности, он в разговоре сказал мне, что Царь в настоящую минуту был так поглощен военными делами в Польше, что, вероятно, не так скоро еще найдет возможность возвратиться в Москву, а оттуда проехать осмотреть местность и сделать распоряжение на счет работ. Затем Лорд Апраксин приветливо спросил меня, что я намерен делать в промежуток этого времени? Я отвечал, что так как начало работ должно отложить до возвращения Царя из армии, и для меня не предвидится в настоящее время занятий, то я просил бы Его Вельможность дать мне непродолжительный отпуск в Англию для свидания с родственниками и друзьями, обещаясь, по возвращении моем, служить Его Величеству с полным усердием. Я предполагал провести в Англии не более восьми, или десяти, месяцев. В первую минуту Его Вельможность одобрил мое намерение, приказав мне подать прошение, а со своей стороны обещал писать к Царю на счет моего отпуска.

В последствии, однако ж, эта невинная просьба моя оказалась для меня западней; вместо того, чтоб говорить об отпуске, он представил Царю, что я имел намерение оставить службу его, и с этой целью обращался к Английскому

Посланнику, который будто бы уже писал обо мне в Англию, представляя меня, как человека способного применить в пользу Английского флота то самое предположение, которое я имел в виду для сохранения Царских кораблей, гнивших тогда в Воронеже, и что, вследствие этого, он, Лорд Апраксин, приостановил выдачу мне моих денег. Со временем, однако, Его Вельможность откровенно сознался мне во всем этом, прибавив, что так как до сведения его дошло, что я обращался к Английскому Посланнику с этим предложением, о котором было уже писано в Англию, а затем стал просить отпуска на родину, то он, заботясь о своей голове, вынужден был приостановить уплату денег, которые в таких в обстоятельствах не имел права выдать без особого приказания Его Величества, вследствие чего и послал обо мне обстоятельное донесение.

Затем, так как Царь на долгое время был еще задержан в Польше, я продолжал оставаться в Москве, не получая ни денег, ни определенного занятия. Наконец Его Вельможность объявил мне, что получил ответ от Царя, и уже отдал приказание об отправлении меня на службу, но он не желал сообщить мне, куда именно меня пошлет, а только сказал, что я должен подписать новый договор с обязательством на будущее время служить Его Величеству, где и как мне будет приказано, и что

без этого я не могу получить не только всех не доплаченных денег, но даже и какой бы то ни было части их. К довершению всех моих невзгод следует заметить, что, получая деньги нововычеканной Русской монетой, мне приходилось при размене, по тогдашнему курсу, потерпеть убытку около 38 процентов. Но об этом злонамеренном умысле я в свое время дам более полный отчет. Теперь же только скажу, что я не мог дать своего согласия на это условие, не чувствуя ни какого расположения согласиться на новые неразумные и бесчестные требования, и тем самым закабалить себя в стране, где со мною, в течение долгого времени, так дурно поступали. Вследствие моего отказа Его Вельможность, который опять отправлялся в Петербург, отдал приказание своему помощнику удержать у меня деньги, выдаваемые мне на мое содержание, а также и денщиков (denshicks) или солдат, которые до этого времени были назначаемы для моей прислуги, надеясь этим принудить меня к уступчивости, и в тоже время обвинял меня в упорном неповиновении Царской воле и приказаниям. Тогда я изложил в письменном докладе все затруднения, которыми я был обставлен, и ходатайствовал о моем увольнении, с твердым намерением выехать из этой страны, оставив в ней мои деньги; но мне отказали в увольнении, и опять-таки я должен был, оставаясь в

Москве, дожидаться возвращения Царя из армии.

Около этого времени Шведский Король, свергнув с престола Короля Августа, предписал ему условия и принудил его заключить мир. Царь такими образом оставался без союзников в войне, и затем разнесся слух, будто бы Шведский Король имел намерение выступить из Саксонии, идти на Москву, чтоб также принудить Царя к заключению мира. Вследствие этих слухов немедленно сделаны были распоряжения для укрепления города Москвы: предполагалось расположить бастионы кругом второй каменной стены. Для производства этих работ назначены были два инженера, Господин Корчмин (Carchmin), Русский инженер Его Величества (о котором я буду иметь случай говорить в последствии), и некто Спаритор (Sparitor), который находился в звании Подполковника в Царской артиллерии. Некоторые из этих бастионов необходимо было расположить на болотистой почве, по берегу Неглинной (Neglena) (маленькой речки, впадающей в реку Москву). Я посетил эту местность в то время, когда выводили основание сих бастионов, которые необходимо было поднять до значительной высоты, для того, чтоб они могли господствовать над противоположащими возвышенностями. Встретившись случайно в доме Английского Посла, Мистера Витворта, с названным выше

Подполковником, я в разговоре сказал ему, что способ, по коему выводили они основание этих бастионов, неправилен, и не может дать достаточной прочности в виду тяжести земли, которую предполагалось навалить, так что прежде, чем работа будет окончена, основание осядет и вся работа осыпится. Разговор этот происходил в присутствии Посла Ее Королевского Величества и Английского Консула, Мистера Чарлса Гудфело (Charls Goodfellow), которые, вероятно, и теперь помнят об этом. Заявивши раз мое мнение, я пожелал выказать усердие мое к Царской службе, и представил Лорду Апраксину, под начальством которого я тогда находился, краткую записку с изложением всей, по моему мнению, неудовлетворительности этой работы. Так как в то время Лорд Апраксин находился в Петербурге, где получил начальство над флотом и армией, я обратился к нему письменно, и думал услужить ему, предлагая свое содействие для направления работ; но Его Вельможность не обратил на это никакого внимания. Работы продолжались своим порядком, и не прошло шести недель с представления моей записки, как некоторые бастионы начали оседать и распадаться в своем основании, и обрушились прежде чем были выведены до половины: трое из них, находящееся на самом тонком грунте, обрушились в течение

того же года и во второй раз, и хотя ныне воздвигнуты в третий раз, но все еще не тверды в своем основании, и не могли быть доведены до настоящей высоты. Хорошо еще, что обстоятельства изменились и не было необходимости действовать с этих бастионов.

Король Шведский, который сверг с престола Короля Августа, намеревался, как я уже сказал, выступить из Саксонии с избранной армией 26,000 человек, и легко мог, согласно с предположением всех сведущих людей того времени, принудить Царя к миру на выгодных для себя условиях, если б не действовал с неосновательною поспешностью. Все его бедствия приписывают преимущественно двум причинам, и потому я считаю не лишним их здесь изложить. Первая состоит в том, что, после того, как Русские начали отступление через Польшу, и Король, ознаменовав первое сражение победой, перешел через Днепр (Nieper), не далеко от местечка, называемого Головчин (Haloftzin), не дождался прихода части своей армии (16,000 человек), которая шла из Риги под начальством Генерал-Лейтенанта Левенгаупта. Армия эта в битве при Лесном (Lesno) была разбита на голову, благодаря искусству и личному мужеству Царя. Все 16,000 человек либо пали на месте сражения, либо взяты в плен, вместе с артиллерией и обозом. Вторая причина ошибок Короля заключалась том,

что, раз перешедши через Днепр и заметя, что весь фураж и всякое жильё по обеим сторонам Московской дороги были выжжены по распоряжению Царя, он все-таки продолжал идти вперед, направляясь к Украине, и прошел, таким образом, верст сорок за Смоленск, не укрепив за собою ни одного места и ни одного магазина.

Туда он шел, вызванный Мазепою, Генералом (или Гетманом) Козаков, населяющих эту страну и находящихся под покровительством Царя, как прежде находились под покровительством Польши. Мазепа, как в последствие оказалось, вел уже в течение двух лет тайную переписку с Королем, обещая ему, при первом появлении его в стране, возбудить общее восстание, с условием, что она будет снова самостоятельна под покровительством Польши. Он надеялся достичь этой цели, пользуясь тем, что народ был крайне взволнован нарушением своих прав и преимуществ и всеми несправедливыми требованиями, которые падали на него во время войны; но часть переписки была перехвачена и, по стечению обстоятельств, умысел Мазепы стал известен; тогда Гетман, вместе с некоторыми из главных своих военачальников, бежал к Шведскому Королю. По открытии заговора Князь Меньшиков (Mentzicoff) внезапно напал на гарнизон Батурина (Butturin), который предполагалось сдать Шведам; повесил

Губернатора и на городской стене посадил на кол нескольких лиц, а Г. Кенингсека (Koningseck), брата знаменитого Польского Посла того же имени, приказал подвергнуть жестоким мучениям, а потом повесить.

Не взирая на все эти неудачи, Шведский Король не хотел и слышать об отступлении. На первое время Казаки, собираясь небольшими отрядами, помогали Королю в продовольствии и прочем, но в последствии эти отряды были рассеяны Царским войском; Шведская же армия после каждого сражения все более в более обессиливалась и уменьшалась (хотя победа продолжала оставаться на ее стороне во всех тех случаях, когда Король сам предводительствовал войском). Наконец в эту суровую зиму до такой степени пострадал и от холода и от голода, что многие офицеры и солдаты замерзли до смерти, а другие отмораживали себе руки и ноги, армия эта была окончательно уничтожена в битве под Полтавою (Poltava) в 1709 году. Сам Король был ранен; первый министр его, Граф Пипер, двое из Государственных Секретарей, все полководцы и лучшие воины его армии, были или убиты на месте, или взяты в плен, за исключением Генерал-Майора Спара (Spar), Генерал-Майора Легер-Круна (Leger Croon), которые, вместе с Королем и 300 человек, при содействии выше упомянутого Генерала (или

Гетмана) Казацкого, которому хорошо была известна эта местность, переплыли на лошадях через Днепр (или Борисфен) и нашли убежище в Турецких владениях, в городе Бендерах (Bender), куда в последствии прибыли и еще некоторые лица. Подробности этого дела общеизвестны в Европе, а потому я не считаю нужным здесь о них упоминать.

Этой замечательной победой Царь упрочил за собою свои владения и мог идти далее на пути завоеваний и побед, тогда как, если б Шведскому Королю удалось разбить армию Царя, он неминуемо привел бы в исполнение свое намерение направиться на Москву и употребить все усилия, чтоб свергнуть с престола Царя, как то уже сделал он с Королем Августом. Несомненно, что если бы Царь потерял битву при Полтаве, то не только между Казаками, но и между Русскими, произошло бы восстание; Русские также были везде подготовлены к возмущению и на многих местах уже брались за оружие, в надежде получить облегчение в притеснениях, которые терпели под Царским правлением. Они восстали бы тоже, в предположении получить возможность вернуться к прежним своим суевериям в невежеству и избавиться от ненавистных им иностранцев. Кроме того, во время этих долголетних войн на них тяготели непомерные налоги и требовалось большое количество людей в армию и для

исполнения разных предприятий Царя; по всем границам воздвигались и вооружались укрепления, в которые не только солдаты, но и дворяне с крестьянами, обязаны были, по Царскому повелению, переселяться на жительство; строился флот и предпринимались работы для заведения судоходства по рекам; все это Русские считали не нужным, так как ни они, ни отцы их, ни имели об этом понятия и без этого прожили.

Так как счастье благоприятствовало Царю в выше означенном сражении, то он возвратился в Москву с торжеством, окруженный множеством Генералов и прочих пленников. По этому случаю воздвигнуты были великолепные победные ворота и пущены блестящие потешные огни. Везде видно было изъявление радости и праздничное торжество. После этого знаменательного поворота судьбы в пользу Царя, ему оставалось только направить свои завоевания в самое сердце Швеции и основать морскую силу на Балтике.

Для этого дела Его Величество благоволил вспомнить обо мне, и употребить меня в этом крае для устройства сообщения от великой реки Волги через Ладожское озеро (Lodiga) до Петербурга, так, чтобы прямо можно было плыть от Волги, которая протекает по самой плодородной части России, до любимой новой столицы.

Но так как я уже столь долгое время не

получал следуемого мне жалованья, и часто изъявлял мое неудовольствие по этому поводу, то не чувствовал ни какого расположения продолжать мою службу, прежде нежели получу все то, что мне следует. К великому моему удивленно я узнал, что один из вельмож восстал против уплаты мне этих денег под тем предлогом, что я долгое время оставался в Москве без всякого дела, и что начатые работы для устройства водного сообщения между Волгой в Доном не были еще окончены. Вследствие этого я составил следующую записку, которую показал сначала Мистеру Витворту, бывшему тогда Полномочным Послом Ее Величества при Царском Дворе, и Мистеру Гудфело, Консулу Ее Величества, чтоб довести до их сведения о том, как дурно со мною поступали. Когда записка эта была переведена на Русский язык, я представил ее выше упомянутому Лорду Апраксину, с нижайшею просьбою поступить со мной по справедливости и передать ее Царю. Записку эту я велел переписать и здесь прилагаю, прося снисхождения читателя, если он найдет в ней некоторые подробности и обстоятельства, о которых было уже прежде упомянуто:

Смиреннее изложение тяжелой судьбы и затруднений, которые ниже подписавшийся Джон Перри претерпел с того времени, как покинул Англию, до настоящего 1710 года.

В Апреле месяце 1698 года был заключен со мною письменный договор через Царского Посла, Лорда Федора Алексеевича Головина, о вступлении моем в службу Его Величества на следующих условиях: ежегодное жалованье в 300 фунтов стерлингов и, кроме того, ежемесячное прибавление в размерах, способных покрыть мои расходы и содержание. А в случай, если я исполню какое-либо особенное поручение по части речного судоходства, устройства пристаней, насыпей, доков, или водопусков, то за это обещалась мне особая награда, назначенная по моему усмотрению. Вследствие всего этого я был немедленно отправлен из Англии, чтоб осмотреть работы, начатые и покинутые Полковником Брекемем, для сообщения между реками Волгой и Доном, и написать об этом донесение. Я тотчас же отправился согласно приказанию Его Величества, все осмотрел и в течение того же года вернулся в Москву с чертежом того, что, по моему мнению, следовало сделать: предположение мое было одобрено и находилось в руках Его Величества. Я тогда требовал, чтобы назначенное мне жалованье было мне исправно выдаваемо каждые шесть месяцев, и чтобы также выдали мне 8000 рублей по окончанию этой работы.

.. На это Князь Борис Алексеевич Голицын (Kneaz Burreis Alexueavitz Gollitzen) возразил мне,

что выше упомянутый Посол писал ему из Голландии, утверждая, что мне следовало начать работу без всякой платы, а годовое жалованье получить только по окончании ее. Я протестовал против этого, и 10 Марта, 1699 года, подал в собственные руки Царя прошение, в котором излагал всю неосновательность этого предположения и невозможность для меня на таких условиях взять эту работу в свои руки; я просил, чтоб мне дали какое-либо другое занятие, либо же вовсе уволили меня от службы.

На это Его Царское Величество, в присутствии Мистера Стайлза (Stiles), Мистера Ллойда (Lloyd), Мистера Кревета (Crevett) и нескольких других Английских купцов, благоволил дать мне многократные заверения и приказал полагаться на его милостивое слово, что выше означенное возражение не будет иметь силы против меня, и что, согласно с первым обещанием, мне будут выдавать ежегодное мое жалованье сполна, равно как и ежемесячную плату на содержание мое, а по окончании работ вознаграждение, превышающее назначенную мною сумму. Вследствие же того, что Брекель, как только скопил достаточно денег, бежал за границу (что и составляло главное основание возражений Голицына), Его Величество только потребовал от меня обязательства и обещания не поступить таким

же образом, а затем удостоверил меня, что мне будет отпускаться жалованье мое каждые шесть месяцев, и даже прежде срока, если я того пожелаю.

Я с надеждою и доверием ухватился за это милостивое обещание, но, как иностранец и новоприезжий в этой стране, я не мог просить никого из дворян поручиться за меня, а тем менее смел на это рассчитывать, и только полагал, что через год, или два, успею достаточно выказать мои способности и усердие для исполнения работ, чтоб рассеять всякое подозрение на счет возможности моего бегства из России, где я находился на службе, занимаясь видным и важным делом. Я надеялся, что тогда не встретится более ни какого препятствия для выдачи моего жалованья, даже и без письменного удостоверения в том, что я не убегу за границу.

Но, к великому удивлению моему (удивлению, истекавшему из непривычки к подобного рода неисправности), я, по приезде моем на место, не нашел ни людей, ни заготовленного материала для работы. Со мной и с Мистером Лукой Кенеди (Kenedy) обращались самым грубым образом, угрожая нам каторгой и виселицей, а виновником всего этого был Лорд Голицын. Он гневался за то, что я не продолжал работ, покинутых Брекемем, на том месте, где тот их начал, не смотря на то, что ему было известно, что

вследствие моего донесения, сам Царь приказал мне сделать противное. По прошествии некоторого времени Его Сиятельство, надеясь найти повод к обвинению меня, назначил некоторых лиц и принял строгие меры для исследования местности. По вычислению оказалось, что там, где я начал копать канал, было слишком на 20,000 Русских сажений меньше земляной работы (*Русская сажень заключает в себе 7 Английских футов и около десятой части дюйма.*) ; кроме того представлялась выгода в постройке меньшего количества водопусков (шлюз). Но, не смотря на то, что я в этом отношении совершенно оправдался, я продолжал встречать недоброжелательство и постоянные препятствия в работах. Все мои жалобы в Приказ (Précause) (*Слово Приказ означает место, где все вопросы, относящиеся до какого бы то ни было дела, округа, или области, рассматривались и решались особо назначенными для того Канцлерами.*) ни к чему не повели. Итак, 17-го Февраля, 1700 года, я подал прямо в руки Его Царского Величества прошение, в котором представлял, что если Его Величество не благоволит назначить мне приема и сам не вникнет во все дело, то у меня останется мало надежды иметь возможность когда-либо докончить эти работы.

На другой же день после того, как я вручил

мою просьбу Царю, Князь Борис Алексеевич Голицын приказал мне составить новый список всего того, что требовалось для работ, и представить этот список в Приказ. Я весьма обрадовался, услышав такое утешительное обещание, и надеялся, что с этой минуты все пойдет успешнее; но на следующее лето все осталось по-прежнему: я терпел все тот же недостаток в людях в материале, и некоторые части работ, оставаясь в недоконченном виде, подвергались порче и разрушению от воды, за неимением работников, способных хорошо конопатить, в которых чувствовался постоянный недостаток. Не имея более ни какого основания надеяться, что жалобы мои Князю Борису Алексеевичу Голицыну, или в Приказ, получат удовлетворение, я счел своею обязанностью опять представить в собственные руки Царю записку от 23-го Января, 1701 года, в которой излагал, что все земляные работы, совершенные в летнее время в течение двух годов, могли бы (по верному исчислению) быть окончены менее, чем в пятьдесят дней, если бы 12 человек копали каждый день только по одной кубической сажени, и что, если бы мне даны были все требуемые мною пособия, то это и было бы уже исполнено. Я также изложил, что у меня недоставало разного рода леса, рабочих, умеющих хорошо конопатить, и других мастеров и

материалов, которых я не мог допроситься в течение двух лет и без которых не возможно было окончить ни одного шлюза; но, не смотря на все препятствия, встреченные мною до сих пор, если бы только, согласно первому моему списку, мне было отпущено надлежащее число людей и материалов, я готов поручиться, что работы пришли бы к окончанию не позже, как через три, или четыре, года.

В ответ на это я получил уведомление, что уже отдано строгое приказание снабдить меня всем необходимым, и что Его Величество приказал мне приготовить новые образцы с объяснениями, как рубить тимберсы и проч. Все это я исполнил и лично вручил Царю, в его доме в Преображенской (Brebazenski), но, не смотря на это, в конце третьего лета я получил письменное уведомление от Князя Петра Ивановича Дашкова (Kneaz Peter Evanwich Dashcoff) (Он тогда был Генералом над армиею, которая прикрывала работы, и заведовал, кроме того, работниками.), что многие из начальников городов в областях, лежащих около Волги, куда были посланы списки с выше упомянутых образцов и наставлений, как рубить лес, выхлопотали себе удостоверение, за подписью разных служащих, что ни какого такого леса нельзя было найти.

Вследствие этого я испросил себе отряд драгунов, во избежание нападения со стороны

Татар, и сам отправился в леса, отстоящее на два дня пути от места работы, и там, менее чем в двухнедельный срок, нашел отличный для тимберсов лес и в достаточном количестве для окончания двух пар водопусков. Этот лес я показал Лорду Апраксину, который в это время осматривал работы; пользуясь присутствием Его Вельможности, я также обратил внимание на огромный недостаток рабочих для конопаченья, а также всяких других мастеров и материалов, которых до сего дня не мог допроситься, указал ему на малое количество кузнецов, плотников и прочих рабочих для производства занятий в зимнее время, о которых было упомянуто в первом моем списке. Все это Его Вельможность принял к сведению и обещал также доложить Царю обо всем этом, равно как и о моем неутомимом усердии.

2-го Сентября, 1701 года, я получил приказание оставить письменный наказ одному из моих помощников по моему выбору, и поручить ему смотрение над оконченными уже работами, а самому, с прочими моими помощниками и мастерами, отправиться в Москву. Вскоре после того, т. е., в начале 1702 года, я был отправлен в Воронеж для исполнения на реке того же имени, особого рода работ, с целью спускать и поднимать уровень воды, для того, чтоб этим способом, в случае надобности, иметь возможность исправлять

на суше корабли Его Величества, которые, оставаясь в воде и подвергаясь течи, грозили пойти ко дну, за неимением средств вовремя исправить повреждение. Это дело я взял на себя, и окончил в течение 1703 г. С тех пор все корабли Его Царского Величества, требующее поддержки, могли быть исправлены как следует. Окончив эту работу, я получил другое занятие, целью которого было сделать эту реку судоходною для восьмидесяти пушечных судов на всем пространстве от города Воронежа до реки Дона. Я и это привел в исполнение везде, где только получал достаточное количество работников и материала, не останавливаясь тем, что работы эти представляли гораздо больше трудностей, чем те, которые производились мною на реке Камышенке; здесь водопуски следовало делать в гораздо больших размерах, так как во время весеннего половодья они должны были устоять против напора в десять раз сильнейшего, чем то было на реке Камышенке.

В Феврале 1706 года, по окончании этих работ, мне приказано было явиться в Москву, а в следующем Сентябре месяце я был опять отправлен на реку Дон, чтобы отыскать удобное место для устройства там верфи, в которой бы сохранялись в мирное время корабли Его Величества; затем, осмотревши местность, вернуться опять с донесением в Москву, где я с самого того времени

нахожусь, постоянно ходатайствуя о выдаче мне недоплаченного жалованья за прошлые годы, ходатайствуя также о доставлении мне какого-либо другого занятия, или о выдаче моей отставки. Этой последней я не получаю, и не выдают мне также даже и малой части моего годового жалованья, ни того, что мне следует за время службы моей в Казани (in the Cazans) и Адмиралтейском Приказе. В этом Адмиралтейском Приказе составлен был счет жалованья моего за шесть лет, по 300 фунтов стерлингов в год, согласно заключенному со мною условию, но с присовокуплением тягостной несправедливости касательно денег, ежемесячно обещанных мне на содержание; все то, что я на этот предмет получил в течение шести лет, исключалось из годового моего жалованья, и сумма эта должна была быть выдана по весьма убыточному для меня расчету, с потерей 38 %, так как Русская копейка равнялась по тогдашнему курсу одному Английскому пенни. Этим еще не ограничивались притеснения: мне отказывали в уплате какой бы то ни было, даже незначительной, доли этих денег до тех пор, пока я не приложу руку, в знак согласия, к новому договору, условия которого были до такой степени для меня невыгодны, что я считал крайним неблагоразумием согласиться на них.

Таково истинное положение моего дела, и я

прошу по справедливости, взять во внимание, во-первых, что не по моей вине работы по сообщению между Волгой и Доном так долго замедлились в своем исполнении (как то желали бы представить некоторые люди), затем, прошу взять во внимание, что, по приезде моем в эту страну, я не встретил ни какого возражения против точной уплаты моего годового жалованья, и что в настоящее время, после двенадцати летнего доказательства моей верности в службе, я имею право надеяться, что несправедливое подозрение на счет возможности моего побега за границу уже достаточно устранилось. Так как милости и щедроты Его Царского Величества ежедневно распространяются на великое множество людей, которые из чужих стран поступают к нему на службу, то я смею надеяться, что не буду в числе их исключением, представляя собой несчастный пример злополучия и разорения, после того как, в течение стольких лет, полагался на милостивые обещания Его Царского Величества относительно уплаты моего жалованья, и потратил лучшие дни моей жизни и все мои усилия, стараясь, по лучшему разумению, посвятить их на службу Его Величества во всех тех поручениях, которые на меня возлагались.

Джон Перри

Москва, Февраля 15 дня, 1710 года

Представивши сначала противень с этой записки Лорду Апраксину, как я уже прежде сказал, я приготовил другой, я приложил его к краткому прошению, которое намеревался вручить лично Царю; но Князь Меншиков (Mensicoff), в области которого должна была производиться следующая, предназначенная для меня, работа, уговорил меня не подавать этого прошения, но переговорить лично с Его Величеством, не беспокоя его письменными докладами, и обещал поддержать меня своим покровительством, что он и сделал однажды, когда я имел честь, в небольшом избранном обществе, обедать с Его Величеством. Царь опять благосклонно обещал мне что как только я осмотрю местность для выше сказанного водного сообщения с Петербургом, то, по возвращении моем, и прежде чем я примусь за дело, все мое жалованье, за все прошлое время, будет мне сполна выплачено. Полагаясь на слово Его Величества, тем более, что мне следовало не начинать ничего нового, а только осмотреть местность, я был согласен исполнить желание Его Величества, что я и сделал, думая тем оказать ему услугу в то время, когда он возобновлял мне свое милостивое обещание.

Этот осмотр местности имел целью способствовать к исполнению великого и полезного

предприятия Царя, о котором уже выше упоминал. Его Величество давно уже намеревался сосредоточить всю торговлю Архангельска и других частей России в новой любимой своей столице, находящейся у устья Невы, которая, выходя из Ладожского озера, впадает в Балтийское море.

В виду этого предположения, еще до того времени, когда я приехал в Россию, там уже строилось множество магазинов и кладовых для купцов, и значительное число жителей поселялось в этом городе. Все это составляло малую часть разнообразных его предприятий, в числе коих следует упомянуть о предположении построения нового города на Ричардовом острове (Richard's Island) (*Котлин в старину, теперь Кронштадт. О. Б.*), около 40 Русских миль ниже устья Невы и пяти миль от берега Ингрии (Ingermania), который Царь считал достаточно обширным, чтоб поселить на нем и дворян, и купцов и проч. По улицам этого города предполагалось прокопать каналы, как в Амстердаме, и также устроить искусственную пристань для Царского флота и купеческих судов, приходящих туда по торговым делам. Однако, не смотря на все эти новые предположения Царя, клонящиеся к усилению торговли и упрочению его владычества в этой местности, выбор подобного места был бы крайне обременителен для народа,

если б предварительно не было устроено водного сообщения с более плодородными частями страны. Путь, по которому обыкновенно совершалось сообщение, был чрезвычайно тягостный и медленный; во многих местах встречались отмели, где необходимо было дожидаться прибытия воды вследствие дождей; в других местах суда часто натыкались на скалы, подводные камни, и в дребезги разбивались о них, а груз гибнул, или, быв спасен, все-таки становился негодным к употреблению. В тех же местах, где сообщение производилось по сухому пути, весьма трудно было найти корм для лошадей, и то по весьма дорогой цене. Вследствие всего этого рожь и другие припасы обходились, по меньшей мере, втрое, или четверо, дороже той цены, по которой продавались между городами Рыбинском и Казанью (Rebna and Cassan); первый из них отстоит от Петербурга на тысячу Русских миль, на реке Волге. Из этой местности также привозятся дубовый лес и прочие материалы, необходимые для постройки Царского флота; трудность же пути сообщения и в этом случае значительно увеличивает расходы на этот предмет, так что Царские корабли (которые теперь в Петербурге все строятся из дуба), не смотря на то, что рабочий труд ценится дешево, и что канаты, веревки и весь железный материал получается в России, корабли эти все так и обходятся так дорого,

что дешевле было бы выписывать их готовыми из Англии.

Во избежание всех этих бед, Его Величество благоволил послать меня осмотреть три разных пути от Ладожского озера до Волги; мне приказано было снять на чертеж течение нескольких рек, впадающих одна в другую, и проследить до истоков их, чтобы освидетельствовать, где они ближе сходятся, и где местность представляет более удобства для устройства между ними сообщения. Согласно с этим приказанием, я измерил разницу уровня всех этих рек, из коих одни впадают в Волгу, а другие в озеро Ладугу (Lodiga); я также сделал все прочие необходимые исследования, и в конце 1710 года вернулся в Петербург с чертежом и донесением о месте, времени и расходах, относящихся до этого сообщения, с одной стороны посредством рек Ковжи, Белого озера, Шексны (Koeffsha, Beila Lake, Shacksna), впадающих в Волгу недалеко от города Рыбинска, а по другому пути посредством реки Витегры (Whitigor), Онежского озера и реки Свиры (Swire), впадающей в озеро Ладожское, где требовалось только поставить 22 водопуска и прокопать весьма удобоисполнимый канал на протяжении трех Английских миль. Чертеж этого предполагаемого сообщения приложен здесь к общей карте.

Для тех, кто любопытствует узнать это дело,

сообщу краткое извлечение из сделанных мною исследований. Во-первых, я осмотрел ту часть страны, по которой протекают реки Сясь (Sass) и Тихвин (Tiffin), начиная от возвышенности, до того места, где берет свое начало один из рукавов Тихвина: я проследил течение его через множество порогов, на протяжении 174 Русских миль, до того места, где он впадает в Ладожское озеро. Тут я и нашел разницу уровня 897 Английских футов; а с другой стороны, начиная с этой же самой возвышенности, по рекам Чагодоше (Chacodoshea) и Мологе (Molloga), на протяжении 420 миль, до устья реки Шексны (Shacksna), впадающей в Волгу, по исследованиям моим оказалось понижение уровня на 562 фута.

По второму исследованию по реке Мсте (Emsta), Ильменскому озеру (Elmena) и реке Волхову (Volcoff), впадающей в Ладожское озеро, я нашел, на протяжении 550 Русских миль, понижение в 568 футов, а с другой стороны к югу ниже по рекам Твери (Twere) и Волге, до самого устья Шексны, на протяжении 720 Русских миль, понижение на 233 фута.

По третьему, исследованному мною, пути по рекам Витегре (Whitigor), Онежскому озеру и реке Свире (Swire), впадающей в Ладожское озеро, на протяжении 278 Русских миль, понижение не более, как на 445 футов, с самой возвышенности до того

места, где реки всего ближе сходятся и представляют удобство для прокапывания каналов; а с противоположной стороны, на протяжении 418 миль, по реке Ковше, Белоозеру и реке Шексне, впадающей в Волгу, в том месте, о котором было уже упомянуто, понижение только на 110 футов.

Итак, этот край оказался самым низменным, т. е., самым удобным уровнем, представлявшим всего менее покатостей, так что тут требовалось меньшее количество шлюзов. Реки Свира и Шексна и более удобные части рек Ковжи и Витегри были уже судоходцы для судов малого размера, которые поднимаются и спускаются по ним в течение целого года, за исключением того времени, когда реки замерзают. Поэтому в донесении моем я указывал Его Царскому Величеству на этот путь, как наиболее удобный для устройства предполагаемого сообщения.

Но, не задолго до возвращения моего в столицу с донесением моим, получено было известие, что Турки, по наущению Короля Шведского, объявили войну, и это дало всем делам другое направление; мысль о выше означенном сообщении была отложена в сторону; Лорд Апраксин (который тогда был Адмиралом), двое Флагманов из иностранцев и большая часть Капитанов и матросов, были немедленно отправлены в Воронеж. Сильные отряды войска

получили приказание выступить из разных мест, и назначен был новый набор. Сам Царь сначала отправился в Москву, чтобы передать дела Сенату (который он основал в предыдущем году из девяти Бояр), а оттуда прямо пустился к армии, и я опять оставлен был на произвол судьбы и в неизвестности на все время этой новой войны.

Однако, не смотря на внезапность отъезда Его Величества, я успел возобновить нижайшую мою просьбу на счет обещанной уплаты жалованья за прошлое время. Мне не удалось выхлопотать более, как плату за один год, рассчитанную в 300 фунтов стерлингов, за то время, которое я употребил для выше упомянутого исследования; деньги эти я получил от Князя Меншикова, находясь под его начальством, так как работы предполагались в его области. На счет же прочих денег мне велено было дожидаться возвращения Лорда Апраксина, находившегося тогда в Азове; велено же мне было дожидаться его под тем предлогом, что я производил работы под его ведением и не мог свести счет без него.

Хотя большей части Царской армии следовало в этом случае пройти от двух до трех тысяч Русских миль, однако войска с невероятной быстротой пришли на границу Молдавии, куда к началу весны приехал сам Царь и послал манифест к жителям Валахии и Молдавии, приглашая их

соединиться с Русскими, и обещая за эту помощь явиться с войском на берега Дуная, избавить население от Турецкого ига и упрочить за ним возможность пользоваться всеми преимуществами свободы и вероисповедания.

В ответ на этот манифест жители обещали взяться за оружие и соединиться с Его Величеством, который подвигался все далее и далее, и был уже в расстоянии не более, как шести Немецких миль от Дуная. Передовой отряд драгунов, под начальством Генерала Пенне (Renne), сделал нападение около устья реки Прута, на небольшой Турецкий гарнизон, охранявший магазин с провиантом по сю сторону Дуная; но Турки в другом месте, выше устьев Прута, со всей своей армией перешли Дунай, прежде чем Царь успел исполнить свое намерение воспрепятствовать их переправе через реку. Затем Валахи и Молдаване тотчас же передались на сторону Турок и объявили, что они только для виду присоединились к Царю, который, вступив в этот край, принудил их помогать ему снабжением армии продовольствием и прочим. Они ссылались на необходимость, вследствие которой так поступили, опасаясь, что, в противном случае, им пришлось бы пострадать от поборов и разорения; один только Господарь (или Князь) Молдавский с некоторыми знатными особами, которые искренно действовали в Пользу

Царя, сочли для себя лучшим остаться под его покровительством; вследствие чего Государь и до сего дня находится в Москве (Mosco).

Когда Царь приблизился к Дунаю, то он не только был покинут Валахами и Молдаванами, но в то время Крымские Татары (Grim Tartars), которые, за несколько дней до этого времени, появились небольшими частями, отрезали ему возможность продовольствия и все пути сообщения, так что Турки успели придти с войском в три раза сильнейшим, прежде чем он получил сведение о переправе неприятеля через Дунай.

Застигнутый таким образом врасплох, Царь, с армией своей, отступил к реке Пруту, находящейся в недалеком расстоянии; но и тут Турки, появившиеся с утра небольшими отрядами, сосредоточились в этом месте после полудня в значительном количестве и произвели нападение всеми своими силами. Царь, расположив свое войско за чертой рогаток, окованных железом (*chevaux de frise*), поддерживал постоянный и сильный огонь, так что неприятель, со всем своим преимуществом силы, не мог пробиться в ряды Русских, а вечером того же дня, после трех, или четырех часовой перестрелки, отступил за пределы пушечных выстрелов, унося с собою раненых и убитых и сильно потерпев от неприятельского огня.

Царская армия, ободренная успехом,

отдохнула только малое время, и потом, в ожидании нового нападения, рогатки были взяты на плечи солдат, которые сменялись каждые полчаса и в батальном порядке маршировали целую ночь по берегу Прута, чтобы быть в состоянии снабжать людей и лошадей водою. На другой день Турецкая конница настигла их и во время похода произвела нападение, что, однако, не препятствовало Русской армии продолжать отступление; когда же неприятель окружил их со всех сторон, они были вынуждены снова поставить свои рогатки и обороняться выше упомянутым способом. Благодаря этим остановкам, Турецкая пехота также подоспела, и в этот день обе армии отчаянно сражались в течение нескольких часов сряду до тех пор, пока ночь не разделила их.

Подобного рода битва во время похода, сколько мне известно, нигде еще в Европе не применялась к делу, и я думаю, что читателю занимательно будет знать все эти подробности. Все это происходило в чистом поле, без всяких изгородей и преград; иначе подобного рода тактика не была бы удобоприменима.

В течение этих двух дней Турки, как известно из достоверных и беспристрастных источников, потеряли около десяти, или двенадцати, тысяч человек, в том числе двух, или трех, Пашей, а Русские около семи тысяч ранеными и убитыми, в